

Дмитрий Радиончик

НАВСТРЕЧУ ПОПУТНОМУ ВЕТРУ

Жизнь полна ситуаций, когда ощущение её самой переходит в новое качество. Это и качеством-то трудно даже назвать. Скорее это состояние. Состояние духа. Это сродни вкусовым ощущениям, погружению в ничем не ограниченный бытийный восторг, сродни категории, понятной и доступной далеко не каждому. Я бы назвал это тоном чувства. Уровень содержания души в слове, мысли, поступке... Консистенция совести и чистоты на единицу жизненного пространства... Пик этого состояния — когда хочется освободиться от груза, как от полога парашюта после приземления; хочется резким, страстным рывком отбросить в сторону пыльную кулису душевных будней, освобождая авансцену для чего-то чрезвычайно важного, но, к сожалению, уходящего от нас безвозвратно.

Поэтесса, прозаик, общественный деятель Наталья Чаклина-Горбачёва: познакомиться с этой удивительной женщиной мне было, видно, неспроста назначено судьбой. Несмотря на то, что в беседах о литературе антропогенный фактор у нас табуируется, примитивно именуемый «переходом на личность» подвергается порицанию, считаю своим долгом в первую очередь рассказать об этом незаурядном человеке, и только потом обратиться к его творческому наследию. Ибо в тандеме «человек/текст» для меня, также одержимого творческим поиском, первичен всё-таки Человек. Тем более, когда это слово не только звучит гордо, но и заслуживает написания с большой буквы.

Безграничное уважение, дружеская симпатия, внутренний восторг — лишь малая толика моих реакций на эту женщину, женщину-труженика, ветерана, и женщину-рыцаря, женщину-борца. Переходя на её личность, воспаряешь над скверной социальных пороков, возвышаешься духовно, растёшь над собой, возносясь, перерастаешь в иную плоскость мировоззрения. Как бы тянешься за ней, за её неиссякаемым внутренним величием. И что самое главное — начинаешь верить в себя, в возможность собственного совершенствования. Начинаешь реально рассматривать возможность преодолеть смуту сомнений, стать добрее, возлюбить ближнего, открыть своё нутро для ставшего редким гостем чувства. Переходя на титанически-естественную, феноменально-гармоничную, исключительно скромную личность, незаметно для себя переходишь от славословия к диалогу поколений.

О Наталье Васильевне Чаклиной-Горбачёвой приходилось слышать на Беларуси многим. Эта женщина за свою фантастически яркую, похожую на многоактную пьесу жизнь оставляет о себе добрую память, даря то тут, то

там частичку своего неуёмного сердца, для одних став надёжным соратником, для других мудрым учителем, для третьих — опорой и жизненным примером. Наталья Васильевна, как и моя мать, родом из «детства, опалённого войной». Хлебнуть лиха эти люди успели на своём веку столько, что вместит не всякий драматический сюжет, и ни один героический эпос не сгодится для описания подобной судьбы. Голод, разруха, и не ясно, как выжить, как дальше жить. А ведь впереди была ещё та жизнь — ухабы, падения, взлёты. Лабиринты неожиданных коллизий, пируэты, пике, бесчисленные катаклизмы, воскрешения. И вновь, и вновь проверки на прочность. Превратности судьбы, как сказал бы ушлый газетчик со стажем... Сплошь борьба, борьба, борьба. Нельзя было раскисать, идти на попятную, идти на сделку со своей совестью. Нельзя было, да и не было даже в мыслях. В те времена — семь, восемь десятилетий назад людей делали из особого материала. «Гвозди б делать из этих людей, Крепче б не было в мире гвоздей», — как высказался о них советский поэт Николай Тихонов. Перед стойкостью и мужеством наших ветеранов труда, ветеранов тыла, ветеранов педагогической, общественной передовой мы преклоняемся реже, чем перед славой шагнувших в огонь солдат победы. А ведь постовые и этой, гражданской вахты не менее самоотверженно и героически, с горечью осознавая свою вторичность, преодолевали лишения, отстаивали завоевания, воспитывали смену, строили великую страну. И потому сегодня с любой трибуны я готов до хрипоты воспевать славу всем, чья жизнь и в пришедшее мирное время оставалась и продолжает оставаться горячей передовой.

Сегодня другие времена. Великая держава канула в Лету. Многие из нас успокоились, махнув рукой, пассивно почивая на лаврах, стали флегматичным элементом декорации из налаженного быта и внешнего благополучия; степенно и чванливо прожигают остаток дней в обнимку с материальными ценностями. А в жилах таких людей, как Наталья Васильевна Чаклина-Горбачёва продолжает биться пульс настоящего бойца за идеалы, не застаивается, не прекращает бурлить кровь пламенного патриота. И в чертах этой женщины почтенного возраста неискоренима благородная стать. В её облике, её ипостаси отчётливо просматривается фигурка стойкого оловянного солдата. От общения с ней внутри зажигается генератор жизненной энергии. При встрече взглядами улавливаешь в глубине её души вечно горящий живительный огонёк, что маяком для многих окружающих направляет, согревает и просто освещает путь. Такая она — не сломленная бременем лет Женщина, лидер, энтузиаст, рулевой. И дай, Бог, остаться ей такой навсегда. Потому что мельчает порода человеческая. Потому что на смену поколению борцов-победителей приходит планктон бесполок существ с невнятными жизненными ориентирами. И хочется выть от тоски по обветшалому величию силы народной, по низвергнутым идеалам, по катастрофически обмелевшему духовному потенциалу идущих следом. Но унывать — последнее дело. А наше дело правое и потому благое. Потому,

что кто-то должен рассказать о Человеке и его деле хотя бы в пример подрастающей смене. Хотя бы в знак благодарности за такую долгую и непростую жизнь, жизнь полную бесценного поучительного опыта и ярких творческих свершений.

Я довольно давно знаком с этой легендарной женщиной. Ритм её жизни подобен неукротимой пучине. Она всегда была и остаётся на виду, в самой гуще событий, из которых соткано пёстрое полотно общественной жизни. И везде, на любом поприще Наталья Васильевна — фигура заметная и уважаемая. Долгие годы стояла у руля городского литературного объединения «Надежда», которое с её лёгкой руки и благодаря её лидерским качествам превратилось из клуба по интересам в зрелую писательскую организацию. И теперь, уступив капитанский мостик, поэтесса остаётся в первых рядах: выступления, публикации в прессе, поездки, встречи с читателями... Не может она по-другому. Её гражданская позиция принципиальна — это активность всегда и везде. Отличник народного образования СССР на заслуженном отдыхе — что это означает для неё? Творчество, общественная и политическая деятельность (Н.В.Чаклина-Горбачёва, как, не скрывая своих взглядов, говорит она сама,— «идейный коммунист», секретарь по идеологической работе Гродненского ГК КПБ, член ОК КПБ, руководитель пресс-центра). Как только сил и энергии на всё хватает?! Наталья Васильевна не пропускает литературных вечеров, презентаций, мероприятий, посвящённых выдающимся деятелям культуры. В Гродно отмечают годовщину со дня рождения польской писательницы Элизы Ожешко — Наталья Васильевна готова выступать под проливным дождём. Проходит вечер, посвященный 100-летию со дня рождения поэта Валентина Тавлая, известного в Гродно, Лиде, Барановичах — Наталья Васильевна тут, как тут, рассказывает о следопытской деятельности по сохранению его памяти и творческого наследия. Заседает городской клуб творческой интеллигенции «Грани» — поэтесса на сцене, с томиком стихов... И в Гродненском областном совете ветеранов, выполняя ответственную функцию председателя комиссии по культурно-массовой работе и связям со СМИ, Н.В.Чаклина-Горбачёва трудится, не покладая рук. Именно её усилиями как составителя, редактора и одного из авторов подготовлен и вышел в свет уже второй выпуск поэтического сборника о Великой Отечественной войне «Память огненных лет». Не жаль ей ни сил, ни здоровья на память о войне. Это святое. Не иссякает жизненная энергия, не тускнеет в глазах пламенный энтузиазм, не ослабевает воля деятельной натуры.

Как непостижимы судьбоносные маршруты человека в мире! Каким замысловатым и загадочным бывает его жизненный путь! Судьба Н.В.Чаклиной-Горбачёвой подтверждает этот тезис. География в её судьбе красноречиво переплетается с педагогикой и литературой, становясь

историей. Историей одной великой страны. Корни на Украине. Место рождения — город Свердловск. Детство и юность — Россия, Москва, Ленинград, позже Сахалин. Зрелые годы — уже Белоруссия, Лида, Гродно... И только Родина осталась на всю жизнь неизменно одна — Советский Союз.

Во время моей учёбы на филфаке гродненского купаловского ВУЗа довелось выполнять исследовательскую работу о творчестве поэта Евгения Рейна. И тут не обошлось без помощи и участия Натальи Васильевны. В студенчестве Наталья Чаклина была однокурсницей поэта Юрия Ряшенцева (литфак МГПИ им. В.И.Ленина, 1950-1954). Юрий Ряшенцев в своё время получил всесоюзную известность как автор текстов к песням из кинофильма «Д'Артаньян и три мушкетёра»; помните: «Пора-, пора-, порадуемся на своём веку...»? А он, в свою очередь, познакомил девушку со своим другом, ленинградским поэтом Евгением Рейном. И это стало сенсацией для меня. Наша Наталья Васильевна и сам Е.Рейн! Эйфории, любопытству и азарту не было предела. Для увлечённого поэзией студента-филолога кладёшь бесценной информации! Почти мистическая близость к пантеону! Ведь, казалось, совсем рядом и Уфлянд, и Бобышев, и сам Бродский... И даже аристократичный профиль А.А.Ахматовой, собравшей представителей этой плеяды в знаменитый «волшебный хор», казалось, призраком замаячил в пределах видимости. Цепочки жизненных дорог, ведущие сквозь сокровенные уголки памяти. Не стоило обольщаться. В чужую душу не входят без приглашения. Не следовало затевать погоню за сенсациями, плести кружева параллелей. Ай да Наталья Васильевна! Её непробиваемая скромность подействовала отрезвляюще.

Среди юношеских знакомых Натальи Васильевны был и тогда ещё мало кому известный Юрий Визбор (учился на курс моложе)... И на этом едва ли всё оборвалось, иссякло, погрузилось в забвение. Нет. Встречи и расставания. За всю жизнь Натальи Васильевны их успело накопиться — не счесть. Её однокурсники — Максим Кусургашев, много лет вёл передачи на радиостанции «Юность»; Семён Богуславский, поэт, создатель музея В.В.Маяковского. Это теперь они — фигуры, персоны. Тогда же — самые обычные вчерашние мальчишки и девчонки, увлечённые книжечки и сочинители из институтского литкружка. Она, конечно, дорожит и гордится всеми. Тогда, в 50-х subtlyно-утончённая московская студентка-филологиня Наташа Чаклина не пропускала ни одного турпохода вместе с Юрой Визбором. Всё было очень романтично, увлекательно и очень серьёзно. Недаром её, обладательницу второго разряда по туризму избрали председателем факультетской турсекции. А в 1952-м она совершила свой первый прыжок с парашютом. И в факультетской многотиражке молниеносно появилось её стихотворение об этом. Но природная скромность не позволяет моей героине козырять некоторыми ярчайшими страницами биографии. Не такой она человек, не напыщенный, не показной. Преодолевая

время, полнота собственного достоинства обеспечивает в ней тонкую и острую грань гармонии с собой и миром. Видимо, как раз это принято называть избитым термином «самодостаточность».

1954 год — отъезд по распределению на Северный Сахалин, в посёлок нефтяников. Мир не перестаёт удивлять, поражая своей многогранностью. Наташа работает в школе, пишет стихи, очерки, рассказы. В её душе живёт и крепнет с самого детства тяга к прекрасному, любовь к литературе. Она подчёркнуто пытлива, внимательна к людям, к событиям в стране и мире. Всегда под рукой книга, упрямо крутятся в уме строчки стихов, динамично сменяя друг друга, сознание переполняют образы. А в воздухе, этом тревожно звенящем послевоенном воздухе неласковых пятидесятых, витает ожидание любви, предвкушение обязательной близости чуда. И вот уже кумач рассветов, алых не от пожарниц и сигнальных зарниц, а от знамён и транспарантов раскрашивает судьбы советской молодёжи. И долго не заставила ждать себя первая публикация молодой поэтессы Натальи Чаклиной — в газете «Сахалинский нефтяник» (октябрь 1955 г.). Позже она уже работает в этой газете литсотрудником, продолжает писать, публиковаться, набивает руку, приобретает мастерство.

В конце 1961 г. с мужем-военнослужащим переезжают в город Лиду Гродненской области, тогдашней БССР. Здесь поэтесса Наталья Чаклина-Горбачёва многократно публикуется в газете «Уперад». На новом месте она становилась своей, в том числе и благодаря опытам в писательском ремесле, благодаря неугомонной творческой жилке. Белорусская земля, история, колоритный дух здешних мест наполнили язык и стиль поэтессы новыми, доселе неизвестными оттенками, темами. В 1964-м поэтесса становится победителем конкурса на лучшую песню к 20-летию освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков («Песня о лидских подпольщиках», музыка В.Аломахи). С 1970-го года живёт и трудится в Гродно. 18 лет, до ухода на пенсию Н.В.Чаклина-Горбачёва проработала в областном отделе народного образования. С 1998 по 2003 гг. жила в Минске, у дочери. В этот период поэтесса — член столичного литературного клуба «Вдохновение» при Республиканском доме ветеранов. В Минске вышел и первый сборник стихов «Земная жемчужина» (издательство УП «Технопринт», 2001). Наталья Васильевна с удовлетворением отмечает, что к этому столичному периоду жизни относится и её первое выступление на страницах журнала «Нёман» (2003).

А судьбе всё неймётся; никак не уляжется пыль житейских дорог. Венгрия, Словакия, Вьетнам, ГДР... Эх, где же вы, где, уральские самоцветы?... Богатая литературная практика плюс уникальный профессиональный опыт по возвращении в Гродно позволили ей не только стать членом литературного объединения «Надежда» при городском Доме учителя, а

вскоре и возглавить его. За эти годы, под неустанным руководством Натальи Васильевны вышло шесть номеров литературного альманаха «Голос Надежды», в которых она выполняла функции составителя и редактора. Надо сказать, для Н.В.Чаклиной-Горбачёвой работа над чужими книгами — дело привычное. Многие начинающие авторы обязаны ей тщательной заботой о своих дебютах. А поэтический сборник «Память огненных лет» — это её особая гордость, гордость скорее не столько как поэта, сколько как гуманиста, патриота, обладателя чуткой гражданской совести и верности общественному служению.

Художественное слово всегда сопровождает Наталью Васильевну по жизни. Без неё немыслим сам факт её присутствия в этом мире, её природная сущность; невозможно её содержание, если только можно так сказать о человеке. Без литературы нельзя было отправляться в дальний путь, как без многофункционального туристического снаряжения. Борьба за торжество раз и на всю жизнь провозглашённых идеалов подразумевает использование определённых средств. И основным средством идейной борьбы для поэтессы Н.В.Чаклиной-Горбачёвой стала литература. Сила слова проверяется жизнью на прочность, как некогда стропы парашюта, мёртвой хваткой зажатые в нежных девичьих руках. И нет времени, которое способно диктовать свою беспощадную волю. И нет хворей, напастей и общественных пороков, которые нельзя было бы победить, когда рядом её бессменный друг — книга, а в арсенале надёжное оружие — слово.

В таком внушительном возрасте очень немногим удаётся сохранять здравый рассудок. А моя героиня свободно и с удовольствием пользуется сотовой связью, компьютером, Интернетом. Ей всё небезразлично, всё новое для неё актуально, представляет вполне рациональный, практический интерес. Она как бы смакует каждую страничку жизни, с неподдельным тщанием постигает её неведомые ракурсы. Запас её жизненной энергии не то чтобы не иссякает. Он пополняется и набирает обороты. Однажды мельком взглянув на нашу Наталью Васильевну, я как-то невольно про себя отметил: «Да она же стала моложе! Твёрже, свежее, жизнерадостнее — это уж наверняка!..» Она не только лелеет свою первозданную женственность — это для неё часть служебных обязанностей. Она легка, грациозна и энергична до невообразимого в её-то годы максимума. Порой нет-нет, да и напомним мне Мэри Поппинс N лет спустя... Она неуловима и вездесуща. О ней вспоминают в последний момент — она всегда обо всех всё помнит. Её подводят, разочаровывают, обижают — она всему находит объяснение и знай себе над всеми подшучивает. Она заговорщицки светится своим озорным взглядом, повсеместно расставляя свои ловушки. Попадают в них не только робкие идеалисты вроде меня, но и (см. выше) экземпляры покрупнее. И ловушки эти в итоге оказываются вашим экзаменом на собственную человеческую годность. Испытав всё это, когда всё это испытает вас, вы

шествуете по жизни с высоко поднятой головой, держа в кармане не банальную фигу, а на сей раз вашу оригинальную модель веры в себя, чёткое понимание собственного предназначения, своей незаурядной человеческой сути.

И как бы переменчива ни была погода в нашем общественном доме, какие бы ни дули ветры, одолевшую суетность бытия силу духа человеческого им не поколебать. Ветер странствий либо ветер перемен — для этой женщины-бойца, поэтессы-странницы, подчинившей себе поступь времён, всякий ветер, даже дующий прямо в лицо, всегда будет попутным.

«На утреннем пустом перроне...»

Если опустить все ахи-вздохи по поводу рождения на свет литературного первенца нашей героини, отчётливо заметна одна его конструктивная особенность. Первая книга стихов Н.В.Чаклиной-Горбачёвой «Земная жемчужина» (Минск, УП «Технопринт», 2001) привлекла внимание своей композицией. Указания страниц отдельных стихотворений, как принято в конце, вы не найдёте, так как содержание сборника составляют циклы стихотворений. Подобным способом подчёркивается их тематическое и смысловое единство. Концептуальный каркас книги представляет собой монолит. Стихи размещены не по одному на странице, а сжато, без пауз. На лирику настраивают скромное «Посвящаю внукам», эпиграф, графические иллюстрации. В аннотации заявлена автобиографичность. Тематика сборника явствует из заголовков: «22 июня...»; «Неизвестному солдату»; «Юность»; «Сахалинские зарисовки»; «Лида»; «Ностальгия»; «Три письма к брату»; «Память»; «Безнадёжность»; «Закат»; «Стихи разных лет». Поэтесса и лирическая героиня, как две сестры, идут по жизни, взявшись за руки. Им всегда есть о чём поведать друг дружке, а заодно и читателю. Одна Муза, одна судьба, одна мечта на двоих:

Мир рисую крупными мазками —
и чего-то хочется такого:
то ли землю всю обнять руками,
то ль умчаться от всего земного,
то ль смеяться, прыгать, веселиться,
то ли плакать горькими слезами,
то ли снова в детство возвратиться
и скорее мчаться за годами...

Образу родины, образу незабвенного Урала отводится роль особенная. Эта в реальности точка невозврата стала мотивом вечного возвращения в поэтических грёзах Н.В.Чаклиной-Горбачёвой. В хитросплетеньях поворотов судьбы, на просторах житейских дорог по-бойцовски негибкая, сильная женщина всегда имеет право на слабость, на светлую грусть. И её лирическая героиня, и сами законы лирики ей в этом праве не отказывают:

Милой родины образ любимый
выплывает из старого сна:
Сказки Медной горы-невидимки
и пушистая чудо-сосна.

Я брожу по увядшим бульварам
и снимаю слезу невзначай,
и по узеньким улочкам старым
меня в детство уносит трамвай.

Язык сборника благоприятствует сближению читателя с автором и лирической героиней, способствует их взаимопониманию. Каждый штрих к изображаемой поэтессой картине мира узнаваем и понятен. Но среди эпитетов, метафорических оборотов есть и оригинальные, видимо для того, чтобы общение это получилось нескучным и запоминающимся: «отрочества свет»; «солнцеворот над миром»; «снега искристая цвет»; «зимнего солнца кусок»; «в этом непонятно-дерзком свете»; «снег сползает с сопки»; «туристы присмирившие сидят»; «музыка поёт»; «вздыхал на опушке сохатый»; «луны голубизна»; «тревожный ночной неуют»; «елей пушистые мантии»; «февраль метелен и заснежен»; «года на мелочи губя»; «зима вошла на тротуары», «гуляют прежние неврозы». Как видно, Наталья Васильевна готова без малейшего стеснения подойти к языку с той стороны, которая доступна лишь настоящему художнику.

На мотив житейских странствий указывает в сборнике «Земная жемчужина» обилие топонимов, из которых складывается география яркой и насыщенной жизни: Урал, Ленинград, Сахалин, Беларусь, деревня Чеховцы, Москва, Кавказ, Санчарский перевал, Каменка, белорусские города Лида, Минск, Уральские горы, Кара-Даг, реки Неман, Волга, Истра, Нева, Россия, Венгрия, Дальний Восток, Север, Запад, Охотское море, Коктебель, Зурбаган, Лисс, Друскининкай, Кисловодск, Чернобыль, Карачи, Калькутта, Ханой. Искренни и теплы строки гимна Лиде, подарок от уроженки далёкого Урала:

Кто нежным женским именем назвал
наш вечно молодой, зелёный город?
Судьбу его он верно предсказал:
как женщина, прекрасен он и молод.

.....
Цвети же, город света и мечты,
твори, дерзай под мирным небосводом...
Будь воплощеньем юной красоты
и мужества великого народа!

Небольшой по объёму сборник демонстрирует поразительную глубину натуры автора. В нём Наталья Васильевна затрагивает целый ряд животрепещущих проблем, очерчивает широчайший круг интересов. Среди

них тема войны, тема памяти, чернобыльской трагедии, охраны природы, тема искусства. Поэтесса живёт и творит с постоянной нацеленностью на происходящее в обществе и мире. Она порицает общественные пороки, сетует на засилье техногенного фактора, рассуждает об астрологии, негодует по поводу затопления космической станции «Мир»... Апелляциям к фигурам из мирового художественного наследия (Цветаева, Волошин, Пушкин, Овидий, Гёте, Шекспир, Шопен, Бах, Куинджи, Сент-Экзюпери), вечным образам (Пегас, Робинзон с Пятницей, Провидение, Будда) сопутствуют примкнувшие к ним в текстах Н.В.Чаклиной-Горбачёвой Дед Мороз и известный пацифист Кот Леопольд...

Поэзия Н.В.Чаклиной-Горбачёвой играет ответственную роль общественной приёмной, где можно получить консультации по актуальным вопросам. Особенно ярко проявляет себя цикл «Заметки на салфетке». В данном примере своего рода аксессуарной публицистики правит бал ирония, а ведь именно иронии недостаёт многим авторам, творящим с прицелом на глубокие философские измышления. И вот этим самым умением не только просвещать на собственном примере, но и посмеяться над собой делится с нами автор сборника «Земная жемчужина». Понятно: образ салфетки символизирует вечную жажду чистоты, культурную одержимость гигиеной бытия и сознания. А что же это за жемчужина, о которой говорится в заглавии сборника? Неслучайно земная драгоценность Натальи Чаклиной-Горбачёвой зреет не в раковине из океанских глубин, а на земле. Земным радостям и тревогам, заботам и чаяньям открыла своё сердце поэтесса, и воспетые Музой, овеянные славой, получив огранку, они вылились на бумагу поистине драгоценным поэтическим материалом.

«Эта грусть нас уже не покинет...»

«Хочу, чтобы ты лично передала эту книгу своим правнукам», — так Наталья Чаклина-Горбачёва подписала дочери Ларисе экземпляр своей второй книги «Качели» (Гродно, издательство «Ламарк», 2009).

Мы сущность бытия давно не ищем.
Разлуки боль — всё позади уже.
Привыкли жить одной духовной пищей
На времени безумном вираже.

Система ценностей, судьба человека из прошлого в эпоху социальных тектонических сдвигов всегда волновала поэтессу. «Качели», этот глубочайший образ-символ нравственного выбора, Наталья Чаклина-Горбачёва до сих пор считает квинтэссенцией своего творчества. Ирония сменилась сарказмом. На смену восторгам от жизни пришла горечь разочарований.

Корабль дураков. Паруса на нём — алые —
Не это ль прошедшая жизнь?
Столетье мы мчались в миры небывалые —
Лети и за воздух держись!

Мы были романтики, были мечтатели.
Быть может, забыть нам пора
Всё то, на что жизнь безвозвратно потратили,
Что дорого было вчера?

Но внутренний мир лирической героини устойчив к перепадам настроения. Человек рождён для борьбы, для неустанного движения вперёд, что бы там его не подстерегало. Как во время замедленной съёмки, листая книгу «Качели», читатель способен различить в туманной дымке черты хрупкой, немолодой женщины, её неторопливую походку и поворот головы. Переплетая судьбу поколения с историей собственной семьи, поэтесса оглядывается назад, силясь понять, проанализировать, чем же увенчался этот поиск, состоящий сплошь из невзгод, лишений и жестокой борьбы.

Стрекотали какие-то птицы,
Где-то кони в ночное неслись,
По утрам шелестели страницы —
Мчалась долгая, сложная жизнь...

Неуверенность, неопределённость («какие-то», «где-то») наполняют лирику Н.В.Чаклиной-Горбачёвой тревогой, которая переходя из прошлого в день сегодняшний, передаётся читателю и служит сигналом к пробуждению его души и его гражданской совести. Поэтесса ведёт свой поэтический рассказ простым языком, как в доверительной беседе стремясь описать свою долгую, сложную жизнь, чтобы собеседнику ярче, удачнее, честнее удалось прожить свою. В лирических полотнах запечатлены портреты близких (отец, внуки, ушедшие друзья), впечатления от жизни на разных её рубежах. И ощущение какой-то непостижимой внутренней боли всё не проходит, разрывает внутренний покой звоном струны, натянутой до предела:

В этом странном, заснеженном мире
Без тепла и надежды живу,
Но в обычной панельной квартире
Вижу сны иногда наяву...

Эта грусть нас уже не покинет,
Наши судьбы оплачут друзья,
И сгорит в виртуальном камине
Лебединая песня моя.

Эко вы завернули Наталья Васильевна — «в виртуальном камине»!.. Так поэтесса демонстрирует причудливые метаморфозы нашего существования: виртуализацию, глобализацию, подмену истин догмами, фальшивками,

суррогатами. Как и подобает художнику, она лишь описывает, констатирует, декларирует, не предоставляя рецептов и инструкций, не склоняясь к морализаторству и старческому брюзжанию. Жизнь научила её принимать себя такой, как она есть. И не рассчитывать на взаимность.

Мне очень близко и понятно эмоциональное напряжение сборника. Голос умудрённого опытом человека, ветерана, как и прежде, узнаваем. Как лирическая переправа через бездну духовного обнищания, громким набатом он звучит в унисон с голосами нескольких поколений. Внимательная ко всему вокруг («Памяти Сергея Бодрова», цикл «Треугольник», «Ирине Петровой»; «В ресторане»; «Ксюше Ситник»), поэтесса не отгораживается унынием, не остаётся безучастной, не уходит в себя. В жизни активной, динамичной нет места тоске и хандре. И прошу не путать с ними грусть — чистое, очень романтическое чувство, которым поэтесса не преминула поделиться с нами, испытать нас, наши души в его непреодолимой щемящей глубине. Этим чувством приправлено освещение традиционных для этого автора тем (тема памяти, тема нравственного выбора, воспоминания о юности, любовная лирика, тема «человек и искусство»).

Иду от печали до радости
По снежным дорогам зимы,
От солнца полуденной сладости
До гулкой ночной тишины.

Сумрак расступается, и на горизонте возникает надежда, «предошущение прекрасного, // Что в жизнь, быть может, и войдёт». Её сменяет «лёгкий страх на дне души». «От печали до радости...» Перепады, контрасты. «Качели» одним словом. В таком эмоциональном обрамлении книга воспринимается не только многослойным, но и чрезвычайно своевременным, ожидаемым изданием, книгой-манифестом, книгой прорывом. Вдвойне приятно открытие: слова «зима» и «тишина», как оказалось, рифмуют не я один. Но кое-что позволяет считать «Качели» не просто книгой, а стихотворения из неё — не просто поэзией. Циклы, по аналогии с предыдущей книгой слагают мозаику мироощущения поэтессы, манипулируя сознанием читателя не только композиционно, но и интонационно. Мажор и минор, оптимизм и апатия — такова тональная амплитуда «Качелей». Но есть ещё и шёпот: «Память, волной опускаясь на плечи, // Шепчет знакомое имя...» Подумаешь... Встретились и вспоминают увлечения юности «два старичка на скамейке». Но это больше, чем лирический сюжет. Эта случайная встреча принесла озарение лирической героине. «Каждый день прожитый — счастье», — резюмирует её устами поэтесса. И в этом вся сакральная сущность её поэзии. Говоря о любви человека на склоне лет, поэтесса достигает неимоверно глубокого проникновения в душу к читателю. И слёзы умиления, трогательного и искреннего начинают вдруг стремительно подступать к пересохшему оазису вашей чувственности.

Сказать кому-то, боль сомнений пряча:

«Не погасить горящего огня,
Нам в жизни предстоят ещё удачи,
Мой милый друг, не покидай меня!»

Эти «два старичка на скамейке» уж который день подряд выворачивают мою душу, расстраивают капризные струны хладнокровия. Этот образ будет сопровождать меня всю жизнь. Так вот куда устремлён взгляд поэтессы, кому адресован её поворот головы! Оглядываясь на свои прожитые годы, Наталья Васильевна стремится взглянуть на мир глазами своей лирической героини. А это не только взгляд в своё собственное сердце, как бы для проверки, не опустело ли оно, но в большей степени взгляд оттуда, из сердца на наш капризный, переменчивый мир. С той же целью.

Вероятно, закрепить эффект призван венчающий книгу рассказ. «Небо, самолёт, жизнь... Эпизоды» — прозаический этюд, что неожиданно вторгся в пределы ставшего привычным мира лирики Натальи Чаклиной-Горбачёвой. Явление знаковое. Ведь так начинается новый путь в литературе — её прозаическая стезя. А два рода литературы в одной книге — лирика и немного прозы, словно две стихии, два полюса, раскачивающие капризный маятник жизненных «Качелей».

Когда поэтесса делает шаг к прозе, да ещё в одной книге со стихами, не ищите здесь подвоха. Не в реализации потенциала прозаика дело. Дело в том, что характерная композиция книг Н.В.Чаклиной-Горбачёвой способна преодолевать формальные барьеры жанрово-родовой природы литературы. Поэтесса обращается к прозе, оставаясь поэтессой, оставаясь устремлённой в своих грёзах и воспоминаниях к миру, эпохе и, конечно, к самой себе.

Героиня рассказа, девушка Марина в роли автобиографической проекции автора остаётся лирической героиней. С лёгкой грустью Наталья Васильевна повествует об утраченном, благодарит судьбу за всё обретенное в ходе поиска, который растянулся на всю жизнь. В центре внимания — ценности из разряда неприкасаемых, вечных, сакральных — призвание человека, семья, профессиональный долг. Пути Марины не пересекаются с дорогами жизни писательницы. Они их повторяют. Географию рассказа слагает не столько топонимика, сколько биографические страницы. Память, чувства, вкус жизни... Главный мотив рассказа — нравственный выбор человека (отказ от личного счастья в пользу призвания), выбор достойного гражданина великой страны. Описанные легко и динамично, неприметные эпизоды рассказа создают величественный монумент богатой на события человеческой судьбы. Земля и небо, проза и поэзия, человек и мир стали содержанием не только рассказа из книги стихов «Качели». Это — творческое кредо её автора.

«Судьба меня хранила...»

Третья книга Н.В.Чаклиной-Горбачёвой «И мелькают города и страны» открывается одноимённой автобиографической повестью. Её писательница посвятила воспоминаниям о прошлом и рассказу о собственной жизни. Произведение состоит из десяти глав, последняя из которых называется «Здесь мой причал». Это название вкупе с названием книги очерчивает перед читателем яркую панораму насыщенной событиями и впечатлениями человеческой жизни, жизни, сложенной из бесчисленных переездов, путешествий, походов. Это жизнь-испытание, жизнь-калейдоскоп, жизнь-марш-бросок. И поход, и восхождение, и туристическая тропа смогли бы послужить метафорами для её определения. Не обошлось также без достаточно банального образа — образа пути. Ибо этот, полный тревог, трудностей и неожиданных открытий маршрут, командировка длиною в целую жизнь и есть Путь, великий и священный, путь человека к самому себе.

Наталья Васильевна ведёт повествование удивительно легко, как будто речь идёт о вымышленных событиях и персонажах, незатейливо сплетённых в канву эпического сюжета. А ведь в работе над повестью ею принято решение не опираться на образ лирической героини. В центре сюжета она сама. И вряд ли произведение населяют вымышленные персонажи, — в них нет необходимости. Людские лица, имена, лаконичные, сформулированные в двух-трёх эпитетах портреты составляют то незаменимое, бесценное богатство, коим одаривает человека судьба. О своей неоднозначной судьбе автор повести «И мелькают города и страны» рассказывает тоном сдержанным, немного пресноватым; лирических отступлений практически нет. Преобладает глагольная форма настоящего времени, будто всё описанное, всё доверенное широкой аудитории не имело место десятки лет назад, во времена оные, а вершится что называется здесь и сейчас, параллельно с написанием повести, одновременно с её прочтением. Палитра чувств, вызванных к жизни на разных её этапах, ничуть не устаревает, а по-прежнему рождает в душах порывы к сопереживанию и состраданию, к радости и гордости Человеком, восхищению его силой характера, стойкостью и несгибаемой волей жить дальше, несмотря ни на что, жить ради детей, внуков и любимого дела.

Неощутим в повести мотив страдания, нет настроений упадничества, плаксивости, жалости к себе. Боль и отчаяние разведены писательницей по разным углам. Есть жажда жизни, стойкая и неистребимая, как снег на вершинах горных хребтов. Есть упрямое, как морской прибой, рвение поделиться щедротами своей души, обогреть других теплом своего сердца. Удары и награды, невзгоды и радости воспринимаются сильной женщиной одинаково — мужественно и с достоинством. Повесть «И мелькают города и

страны» в неприхотливой стилистической манере демонстрирует процесс духовного роста личности, переход от созерцания жизни к её анализу, от взросления к опыту, когда многолетний поиск своего места под солнцем приводит к возможности греться в его лучах. Увы, беспокойному сердцу этой удивительной женщины привычнее и роднее прохладный свежий ветер. Тем более, когда запаса мудрости, воли и душевного покоя достаточно, чтобы противостоять его порывам.

Вместе с главной героиней мы совершаем познавательный экскурс в историю и географию советской страны и далеко за её пределы. Многие главы повести в заголовках перекликаются с некогда популярными советскими песнями: «Милой Родины образ любимый»; «Город над вольной Невой»; «Дорогая моя столица»; «Ну что тебе сказать про Сахалин?»; «Здесь мой причал». Наталья Васильевна делится своим восприятием времени, восприятием некоторых оттенков жизни общества и политических процессов, с болью сравнивая: что было и что стало, с какой-то очень интеллигентной досадой описывая, какие метаморфозы произошли с милыми её сердцу уголками. Уходящая натура, жгучая ностальгия по ней — излюбленные мотивы творчества писательницы. И о своём становлении как литератора писательница повествует в привязке к событиям из жизни страны, её семьи и личной жизни. Профессиональная сфера всегда была неразрывно связана у неё с творчеством, личная жизнь — с общественной, эмоции связаны с фантазией; а чувства — с долгом.

Два слова об архитектонике текста. Эпическое торможение преодолевается силой неуправляемого урагана. Сказать, что события развиваются стремительно — не сказать ничего. Десятилетие укладывается в абзац, в пару-тройку страниц умещается целая эпоха. А ведь всё это до краёв наполнено событиями, впечатлениями, от которых едва успеваешь перевести дух; лицами, фигурами, которые то возникают, то сходят со сцены, сменяя друг друга. Отследить важность и второстепенность всего этого непросто. Читатель взирает на пролетающую мимо жизнь автора-рассказчика, как будто из иллюминатора либо из окна скорого поезда. Чем объясняется такая скорость, с которой развивается повествование? Стремлением вместить громадную картину жизни в крошечные рамки повести? А может быть, спешкой? Успеть донести до читателя всё важное, приобретённое ценой своих взлётов и падений, пока есть такая возможность, есть силы, пока есть во всём этом какой-то смысл. Пока не переменится ветер...

Институт, поэзия, туризм, парашютный спорт, Сахалин, Гродно... Вторая повесть из книги «И мелькают города и страны» называется «Больше, чем любовь». Она не названа автобиографической. Однако, образ её героини, Марины, известной по рассказу Н.В.Чаклиной-Горбачёвой «Небо, самолёт, жизнь... Эпизоды», убеждает в обратном.

Согласно замыслу небольшой по объёму повести отводилась роль гимна дружбе, который в итоге прозвучал несколько сумбурно и довольно мрачно. Девушка, выпускница школы сближается со своей молодой учительницей, её семьёй до степени родства и проносит эту дружбу через всю жизнь, полную невзгод. Опять её стремительный бег в тексте Натальи Чаклиной-Горбачёвой вызывает головокружение. Но будни интеллигентных людей даже в самые чёрные моменты выглядят слегка украшенными. Букетом «тракайско-токайских» впечатлений к иллюзии скачки по жизни примешивается колорит салонной атмосферы. Любовную патетику писательница ниспровергает от возвышенно сакрального значения, как в заглавии, до просторечно-саркастичного «вот и вся любовь». На фоне девальвации ценности главного чувства, возникает светлый и нерушимый мотив долга. На сей раз дружеского. Именно он позволяет не приспускать знамёна, а смело смотреть в завтра, где сквозь непроглядность судьбы уже пробивается тонкий росток надежды на лучшее. А любовь, любовь к человеку, к ближнему есть не что иное, как основной закон дружбы, её залог. Судьба Марины и её друзей излагается Н.В.Чаклиной-Горбачёвой бегло, наскоком, словно налетевший холодный ветер небрежно листает страницы старенького фотоальбома, оставляя в нём после своих жестоких порывов лишь опустевшие рамочки...

Завершается книга Н.В.Чаклиной-Горбачёвой подборкой стихотворений, будто для студенческой многотиражки. Наталья Васильевна хранит верность себе и своим принципам композиции; не идёт на поводу у стандартов, не считается с конъюнктурой. Новой волне поэзии удалось прибавить к почерку писательницы налёт задумчивой грусти, трогательной меланхолии, которой так не достаёт скупому на психологизм языку её прозы.

Бессонницу прогонит снег,
И ёлки загорятся ярко.
Придёт хороший человек
С неожиданным дорогим подарком.
Покажется, что впереди
У нас счастливая дорога,
Что сердце не болит в груди,
Что лет совсем ещё немного.

Лирика приходит на выручку книге Н.В.Чаклиной-Горбачёвой «И мелькают города и страны». Благодаря поэтическому венцу в изображённой картине мира писательницы, наконец, замелькали романтические изюминки — интригующие и чарующие недомолвки, полутона: «всё точно в сказке»; «вставало утро серым и унылым»; «в туман навевая печаль»; «остывающий вечер»; «в синей дымке неподвижно»; «в одиночестве беспредельном»; «зеркальный лабиринт», «за мокрыми стёклами окон». Именно посредством лирики творчество Н.В.Чаклиной-Горбачёвой подвергается романтизации, необходимому отдалению, спасительному отрыву от бытописательской пресности. Но время, время вероломно и неумолимо вторгается в заповедный

мир стихов Натальи Васильевны! Детали современного быта (телефон, монитор компьютера и т.п.) назойливы и вездесуци. Они то вступают в противоборство с романтизмом, то покорно и не всегда гармонично ассимилируются. Преодолевая все противоречия, препарируя прожитое в поэтическом сознании, поэтесса старательно смакует язык, стремится его освежить и обогатить: «неба киноварь»; «тянет линию жизни»; «громко фарисействуют не те». Ибо нельзя, не в её это правилах — без конца эксплуатировать в слове мотив ностальгии, почивать на лаврах, забывая о терниях. Но в чём же, в чём тогда найти приют неугомной душе?! Чем заслониться на склоне лет от обжигающего ветра времени?

«Пора, мой друг, пора» —

такое название получила четвёртая книга Натальи Васильевны Чаклиной-Горбачёвой (Гродно, издательство «ЮрСаПринт», 2014). «Пора, мой друг, пора...» — цитата из А.С.Пушкина. Кстати, эту фразу вполне могла бы обронить и Мэри Поппинс перед тем, как решительным движением раскрыть свой волшебный зонт... Книгу составляют две компиляции — традиционная поэтическая и с десятком рассказов, переход к которым от формы крохотных повестей был вполне ожидаем. Повесть «Моё дерево» заслуживает издания отдельной книгой. Это была бы книга о личном, о сокровенном, в которой правит бал всё тот же разноголосый дух времени.

Рассказ «Переплетение судеб». Если бы не масса автобиографических деталей, из-за обилия топонимики, географии, а также множества необязательных описаний быта, досуга («много купалась, загорала») стилистически рассказ имел бы много общего с дневником отпускницы или туристическим буклетом... Затежливо и драматично переплелись во времени не только судьбы, но и творческие увлечения, и чувства немолодых женщин, давних студенческих подруг; в сюжете смешались обыденное и трагичное, возвышенное и земное. «Милая Мила» — нежное, трогательное воспоминание о подруге юности; «Нина-Янина» — о коллеге-приятельнице; «Бабушка Броня» — о родственнице. Данные рассказы выполняют предназначение не столько искусства, сколько реликвии, мемориала. Тем и ценны. Память Натальи Васильевны об этих людях вечна и светла.

О повести «Моё дерево» хочется сказать отдельно. Когда сегодня у многих непомнящих родства своего напрочь отсутствует интерес к своим корням, к своей родословной, атрофировались родственные чувства, а семейным ценностям противопоставлены суррогаты, такие произведения, как повесть Н.В.Чаклиной-Горбачёвой «Моё дерево» необходимо читать в целях профилактики и исцеления. Читать и брать с неё пример. Писательница с нежностью повествует о своих родных, начиная от дедушек-бабушек, делится полными волнительной ласки и любви воспоминаниями о родителях,

брате, семье мужа и о нём, собственном семейном счастье, что вышло таким коротким. Несклонная на сантименты, как бы листая семейный фотоальбом, деликатным и почтительным тоном автор повести в подробностях представляет читателю изображение своего фамильного древа. Не осталась без внимания даже этимология девичьей фамилии. А глава «Наш сад. Сказка для правнуков» адресована самому младшему поколению, росткам, которым суждено дать свои побеги в разных странах мира.

Финальным аккордом книги Н.В.Чаклиной-Горбачёвой «Пора, мой друг, пора» по традиции стала подборка стихов. На смену будням земных людей пришла картина божественного царствия в стране Романтике. Пегас соседствует здесь с Шекспиром, Летучий Голландец — с Козерогом; Огненная Земля — с Беловежской пущей. Образы и темы, переживания и душевные устремления поэтессы берут начало в бездонной чаше жизненного опыта, из которой она не только сама черпает и горечь, и жизненную энергию, но ещё и на долю читателя перепадает.

Мы в двадцать первый век вошли, как души,
Из бранных тел ушедшие уже.
Шаги звучат всё медленней и глуше,
Затихли на последнем рубеже.

А далее, спустя несколько страниц:

И теперь лишь забота одна:
Так дожить эту самую малость,
Чтобы выпить всю чашу до дна
И чтоб добрая память осталась.

Не правда ли, трогает? Внимание этой женщины не может ослабеть ни к чему вокруг. Ни к чему и ни к кому. Культурологический контекст принимает творчество Натальи Васильевны в своё лоно на пару с контекстом социологическим, который в четвёртой книге доминирует. Земляку В.Г.Мулявину, коллегам-литераторам, знакомым, приятелям, современникам поэтесса отвечает свои искренние поклоны в форме тёплых лирических посвящений. Посредством доброго слова согревает теплом своей души. И на каждом шагу, подобно тени, вас сопровождает образ времени, мотив его неустанного бега. И в вертикали эффектного акростиха так неслучайны и многозначительны зашифрованные слова «три четверти века»...

Однажды Наталья Васильевна призналась мне в своём атеизме. А в чём ещё можно было признаться после всего сказанного на бумаге?.. Её текстам и вправду чужды религиозность, так модная ныне христианская символика. Мне стало ясно, что в случае с Натальей Васильевной и её литературным наследием символика второстепенна. Сама эта женщина, её судьба, полная

боли и бесценных открытий и есть символ. Живое знамение стойкости, мудрости, силы воли и желания жить.

Писать свою жизнь с натуры как есть, искренне без прикрас, чтобы как урок преподать людям, может только человек, живущий в ладах со своей совестью. Вести диалог поколений, обратив свой взгляд, свой голос поэта к нескольким периодам истории, дано не всем. Каждую её книгу можно считать литературным завещанием. Её словом, прочным и надёжным, словно парашютная стропа, связаны воедино пространство и время, эпохи и материки.

Её жизненный и творческий путь слагают невзгоды и радости земные. Но именно это есть дар небесный всем нам — тем, кто был и остаётся с ней рядом. Потому как бы там ни было с верой у этой необыкновенной женщины, ветерана труда, поэтессы, путешественницы и просто яркой натуры, да не покинет её надежда, да не иссякнут к ней любовь и уважение людские!

Опубликовано в журнале «БЕЛАЯ ВЕЖА» № 3/2015.

